

ГАБОР ДЬЁНИ

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ:
НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ
РАННЕЙ ИСТОРИИ МАДЬЯР В ВЕНГРИИ¹**

**ACADEMIC SCIENCE AND MEMORY POLITICS:
THE LATEST TRENDS IN THE STUDY
OF THE EARLY HISTORY OF THE MAGYARS IN HUNGARY**

Turkology has a special role in the study of the ancient history of the Magyars. There are objective reasons for this: the Hungarian language contains a fairly significant layer of Turkic loanwords, all or some of which arrived in our language before the conquest of our homeland, in the 10th century. Their importance is huge in view of the absence of other, written sources, and they can shed light on many questions related to the ancient history of the Magyars. In Hungary, there is a strong, internationally recognized school of Turkology, which, for historiographical reasons, enjoys a “patriotic” image. In the last 80-100 years, Turkologists have played a leading role in the study of the ancient history of the Magyars, both intellectually and institutionally. For “ideological” reasons, Turkologists have largely defined the parameters of academic discourse about the early history of the Magyars. However, the schemata proposed by Turkology and those based on Russian-origin academic knowledge differ significantly. While some Turkic loanwords indicate that our ancestors lived in the south as early as the 5th and 6th centuries, historical and archaeological sources do not confirm this. Nevertheless, Hungarian researchers have been forced to adjust their views in accordance with schemata proposed by Turkologists. This goes beyond an intellectual dispute.

Keywords: historiography, early Hungarian history, Turkology, Russian historiography, Hungarian orientalism

Gábor Gyóni – Habil. Associate Professor, Eötvös Loránd University. Email: gyoni.gabor@btk.elte.hu – ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4489-7537>.

---

1 This study is a written version of a lecture given at a conference devoted to memory politics in Central and Eastern Europe and Russia held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

*Citation: GÁBOR GYÓNI, “Akademicheskaia nauka i politika pamiati: noveishie tendentsii v issledovanii rannei istorii mad’ar v Vengrii” [Academic Science and Memory Politics: The Latest Trends in the Study of the Early History of the Magyars in Hungary], *RussianStudiesHu* 4, no. 2 (2022): 10 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.14*

Данная статья представляет собой рефлексию над актуальными тенденциями в исследованиях этногенеза и ранней истории мадьяр, с одной стороны, и попытку в целом показать преграды и сложности, возникающие в ходе российско-венгерского научного сотрудничества, с другой. Думается, что исследования российских коллег, посвященные этногенезу и ранней истории мадьяр, неохотно адаптируются в венгерской интеллектуальной среде. В связи с чем наблюдается разрыв между историографическими традициями. Например, в российской историографии появление мадьяр в степной зоне традиционно рассматривается в контексте событий IX в., а в отечественной историографии существуют разные интерпретации, исходящие из более широкого временного диапазона.² Относительно возможных венгерских топонимических следов на территории Приуралья и Зауралья в российской и венгерской исторической науке так же присутствуют совершенно разные, практически не соприкасающиеся друг с другом мнения.³ Кажется, российская «школа» изучения древней истории мадьяр, традиционно развивающаяся в рамках более широкого поля номадистики или ураловедения, более историческая, охватывающая региональные, общественные, «цивилизационные» измерения; венгерская – более филологическая, «кабинетная».⁴

Это объясняется не только объективными обстоятельствами (например, языковым барьером), но и историографическими причинами. Разумеется, это нельзя назвать русофобией, но все же, такая проблема демонстрирует явную ограниченность национальной венгерской историографии.

Проблема происхождения мадьяр всегда привлекала повышенный интерес и вызывала эмоции в отечественной историографии и общественном дискурсе. Ведь истоки происхождения нашего народа отличаются от других соседних и европейских народностей. Венгры не просто пришлые, но и «чужие» здесь, в Центральной и Восточной Европе. «Чужие» по языку, который является фундаментом идентичности. В географическом смысле венгерский язык изолирован от род-

---

2 Например, RÓNA-TAS ANDRÁS, *A honfoglaló magyar nép. Bevezetés a korai magyar történelem ismeretébe*. (Budapest: Osiris, 1997), 248, 257.

3 GYÓNI GÁBOR, „Hungarian Traces in Place-Names in Bashkiria”, *Acta Ethnographica Hungarica* 53 (2008): 279-305. <https://doi.org/10.1556/AEthn.53.2008.113>

4 Можно сравнить различия в подходах российских и венгерских авторов, см. напр. В. В. Напольских, *Очерки по этнической истории* (Казань: Казанская недвижимость, 2015), RÓNA-TAS, *A honfoglaló magyar nép*.

ственных ему языков. Венгры «чужие» и в ментально-политическом смысле: ведь когда мадьяры покинули Волго-Уральский регион в начале IX в. и появились в степной зоне Восточной Европы и Северного Причерноморья, они представляли собой уже «зрелый, готовый», народ, имеющий этническое самосознание и политическую организацию (племенной союз «семь мадьяр», *Hetumoger*).⁵ В формировании мадьярского этнического сознания объективно важную роль играла изолированность языка.

Со временем память о происхождении венгерского народа забывалась, по крайней мере в письменной, элитарной культуре (хотя имеются сведения, благодаря прежде всего Гесте Венгерского Анонима, что в устной культуре простого народа еще в XII в. сохранилась – и как кажется достоверно! – «память» о происхождении и пути мадьяр с Приуралья до Карпат⁶). Поэтому эту историю пришлось заново приобрести и осмыслить. Этот вопрос является фундаментальным для венгерского самосознания и истории государственности. С XIII по XX вв. возникали разные теории о происхождении мадьяр. Венгерские авторы, с Шимона Кезаи до современных «фантазеров», искали родство мадьяр с гуннами, аварами, персами, евреями, японцами и т. д., как правило, со «славными» восточными народами.⁷ Это течение условно можно называть венгерским ориентализмом. Хотя по отдельным вопросам историографии были написаны статьи и монографии (о т. н. угорско-тюркской научной войне, о венгерском туранизме, о развитии языкознания, об истории археологического познания, об антинаучных концепциях)⁸, но современной обобщающей историографической работы о древней истории мадьяр, увы, до сих пор нет.

Исторический факт, что большая часть истории мадьяр до обретения родины проходила на территории современной (и исторической) России. Уже в XIX в. лучшие венгерские исследователи от Антала Регули до Берната Мункачи и Яноша Янко пришли к выводу, что без знания

5 Szűcs JENŐ, *A magyar nemzeti tudat kialakulása* (Szeged: Magyar Őstörténeti Könyvtár, 1992), 116-121.

6 Несмотря на то, что Геста Анонима изобилует выдуманными именами и событиями, суть схемы древневенгерской истории, изложенная им, кажется достоверной. Gyóni GÁBOR, *A magyarság hajnalán* (Budapest: MTA BTK, 2019), 33.

7 Gyóni, *A magyarság hajnalán*, 33-55.

8 PUSZTAY JÁNOS, *Az „ugor-török háború” után* (Budapest: Gondolat, 1977), LANGÓ PÉTER, *Amit elrejt a föld... A 10. századi magyarság anyagi kultúrájának régészeti kutatása a Kárpát-medencében* (Budapest: L'Harmattan, 2007), ABLONCZY BALÁZS, *Keletre, magyar!* (Budapest: Jaffa, 2016).

российской науки нельзя исследовать древнюю историю венгерского народа.⁹ Однако, в дальнейшем российско-венгерское научное сотрудничество во многом зависело от политических обстоятельств. После первых успехов в XIX в. российско-венгерское научное сотрудничество фактически обнулилось между двумя мировыми войнами. Следующий виток – с конца 1950-х вплоть до середины 1980-х гг., когда сотрудничество достигло беспрецедентно высокого уровня. Затем последовал очередной упадок. Однако, в течение последних пятнадцати лет российско-венгерское научное сотрудничество вновь испытывает подъем, а после долгих лет перерыва вновь регулярно проводятся венгерские археологические экспедиции в России, а также на Украине и в Молдавии.

С точки зрения исследовательских возможностей особенно благоприятным был период после Второй мировой войны, когда появился целый ряд исследователей, хорошо знающих российскую литературу и историографию. Это тот период, когда Венгрия являлась частью соцлагеря во главе СССР. Возможно, что такая деликатная политическая ситуация тоже играла роль в том, что взгляды исследователей, работающих в СССР, были встречены в Венгрии холодно. Часто исследователи были вынуждены корректировать свои взгляды в соответствии с традициями отечественной историографии.

Все-таки самостоятельная венгерская историография имеет, по крайней мере, 800 летнюю историю, свою эволюцию развития. Примечательно, что главной темой первого *сохранившегося* венгерского нарративного источника, Гесты Анонима (начало XIII в.), является происхождение правящей династии и процесс обретения родины. Летописание в Венгрии, по всей видимости, началось уже в XI в. (существуют разные мнения, когда именно), но его элементы сохранились лишь в составе произведений более позднего летописания. Следующее сохранившееся сочинение, Хроника (Gesta) Шимона Кезаи (1280-е гг.) оказала существенное влияние на дальнейшую венгерскую историографию. В ней впервые зафиксировано родство мадьяр с гуннами, а также сформулировано представление о «двойном обретении» родины (время появления этих представлений остается спорным, возможно, что они существовали уже до XIII в.). Отечественное осмысление древней истории венгров происходило в собственном русле, во многом по следам Кезаи и независимо от внешнего влияния (несмотря

9 JANKÓ JÁNOS, *Utazás Osztyákföldre* (Budapest: Néprajzi Múzeum, 2000), 107-108.

на то, что в отдельных работах, например в книге Йожефа Торкоша, в середине XVIII в. наблюдается отпечаток знания западной науки). В формирующейся западной научной традиции уже в XVI–XVII вв. наблюдается более-менее «правильное» осмысление происхождения и языкового родства мадьяр (эти представления, безусловно, происходят из российских источников). В то же время в Венгрии доминирующей традицией остается отечественный «ориентализм».¹⁰

Так получилось, что представление о финно-угорском языковом родстве мадьяр действительно пришло к нам с Запада. Споры о происхождении мадьяр получили некую идеологическую окраску, где продолжатели венгерского ориентализма представлялись «патриотами», а «академическая наука», особенно финно-угроведение, получила ярлык «непатриотичности» (немножко схожая ситуация наблюдается в России относительно «норманнизма-антинорманнизма»). В этом контексте понятно, почему академические споры о происхождении мадьяр привлекали повышенное внимание общественности, как например, знаменитые «тюркско-угорские научные войны» (где, разумеется, сторонники «тюркского лагеря» — это, условно, «патриоты».)

Туркология занимает особую роль в исследовании древней истории мадьяр. Это связано с объективными причинами. Во-первых, в венгерском языке имеется достаточно весомый пласт тюркских заимствованных слов, которые, или часть которых, попали в наш язык еще до обретения родины в X в. Ввиду отсутствия письменных источников, их значение огромно. Место и время этих заимствований может пролить свет на многие вопросы древней истории мадьяр.

Во-вторых, языкознание – из-за нехватки письменных источников и из-за ограниченного знания результатов российской археологии – традиционно играло ведущую роль в исследовании древней истории мадьяр. В Венгрии сформировалась сильная, международно признанная школа тюркологии. Это частично связано с тем, что венгерские тюркологи, признанные академической наукой, также были представителями ориенталистики, и их мнение было авторитетным в вопросах столь важного для нас «ориентализма». В силу историографических причин тюркология в Венгрии имела и имеет некий «патриотический» образ.

Не будет преувеличением сказать, что в последние 80–100 лет ведущую роль в исследовании древней истории мадьяр играли тюрколо-

¹⁰ Б. Овчинникова, Г. Дьёни, *Протовенгры на Урале* (Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2008), 144.

ги, причем не только в интеллектуальном, но и в институциональном смысле. Это такие ученые, как академик Лайош Лигеты (между прочим, зампредседатель общества Венгерско-Советской дружбы), Андраш Рона-Таш, Иштван Вашари и др. В 1970-х гг. в Сегеде, на базе интеллектуального наследия венгерского тюрколога Дюлы Немета была создана рабочая группа по исследованию древней истории мадьяр, которая долгие годы фактически была ведущим институтом по этой проблематике.¹¹ Эта научная школа, с характерной для нее ориенталистско-филологической ориентацией, существует до сих пор.

То, что в значительной степени тюркологи определяли научный дискурс о ранней истории мадьяр, в данной ситуации имело некую научно-политическую подоплеку.

Однако, имеются кардинальные отличия между объяснительными схемами, предлагаемыми тюркологией, и тем, что предлагается, скажем так, на основе комплекса российского научного знания. Часть упомянутых тюркских заимствованных слов в венгерском языке свидетельствуют о том, что наши предки уже довольно рано, с V–VI вв., жили к югу от лесостепной зоны – по крайней мере так переводятся на язык истории лингвистические факты. Но исторические и археологические данные не подтверждают такую схему истории мадьяр, а скорее наоборот. Исследователи, знающие российскую и советскую историографию, обычно склонялись к версии относительно позднего появления мадьяр в степной зоне (IX в.).¹² Но адаптировать эти взгляды было непросто. Примечательно, что ведущий венгерский археолог, выпускник МГУ Иштван Фодор, «был вынужден»¹³ предложить компромиссный вариант, соединивший эти две научные традиции (предполагающий, что венгры покинули Волго-Уральский регион в VII–VIII вв.). Думается, что это чуть выходит за рамки чистого интеллектуального спора и имеет другую подоплеку, где, с одной стороны, стоят «отечественные патриоты-тюркологи», а с другой – исследователи с багажом знаний русско-советской научной традиции. Возможно, сказывалась и непростая геополитическая ситуация между ВНР и СССР после 1956 г. Бросается в глаза, что те венгерские исследователи, которые учились в СССР, на родине со временем оказались на периферии или забыва-

11 RÓNA-TAS ANDRÁS, *A magyarság korai története* (Szeged: JÁTE, Magyar Őstörténeti Kutatócsoport, 1995), 19–23.

12 Например, SUDÁR BALÁZS (szerk.), *Magyarok a honfoglalás korában* (Budapest: Helikon, 2015), 137–145.

13 RÓNA-TAS A., *A magyarság korai története*, 153–165.

лись, а их работы чаще цитировались в России, чем в Венгрии (см. научное наследие Антала Барта, Петера Вереша, Иштвана Эрдейи).

Есть венгерские историографические примеры, показывающие, что трудно быть иностранным ученым в другой стране.¹⁴ Но оказывается, что трудно быть не только венгерским историком в России, но и венгерским историком в самой Венгрии, если у тебя российский «багаж знаний». И кажется, это не просто интеллектуальный вопрос, касающийся подходов, знаний, историографических традиций.

Последнее десятилетие, прежде всего благодаря Интернету и информационному буму, принесло фундаментальные изменения. Мир расширился, прежде недоступная литература стала фактически общедоступной. В современных условиях просто немыслимо работать вне международного пространства. В исследовании древней истории мадьяр произошел реальный сдвиг, прежде всего благодаря археологическим открытиям. Появились новые артефакты, новые интерпретации уже давно существующего материала.¹⁵ Общественность, как и раньше, обращает особое внимание на эти труды, а в СМИ часто появляются публикации о новых археологических находках. У этого процесса есть и обратная сторона, когда многие исследователи заявляют о каких-то «сенсациях», благодаря которым, якобы, следует переписать раннюю историю мадьяр.¹⁶ Действительно, в последнее десятилетие проведена колоссальная работа. По-новому стали рассматриваться целый ряд проблем – роль потчевашской культуры, интерпретации имениковской культуры, вопрос о появлении булгар в Приволжье, новые находки погребальных масок и т. д.¹⁷ Но, на мой взгляд, фундаментальное открытие случилось «лишь» в одном – это выявление одновременно разными исследователями, разными методами, что по крайней мере в X в. действительно существовала связь между дунайскими и уральскими (восточными) мадьярами.¹⁸ Это обстоятельство действительно

---

14 Szvák Gyula, *Orosz concerto. Mikrohistoriográfiai etűd* (Budapest: Russica Pannonicana, 2021).

15 А. Комар, *История и археология древних мадьяр в эпоху миграции* (Budapest: МТА ВТК, 2018), 91–100.

16 См. Sudár B., „Lehet, hogy teljesen félreértettük eddig a magyarok őstörténetét” 444.hu <https://444.hu/2015/02/27/lehet-hogy-teljesen-felreertettuk-eddig-a-magyarok-ostortenetet> (Дата обращения 30. 01. 2022 г.)

17 А. Зеленков, Г. Дьёни, Н. Матвеева, «Проблемы изучения происхождения мадьяр», *Российская археология*, no. 2 (2021): 147–166.

18 А. Комар, *История и археология древних мадьяр в эпоху миграции, 196-197.*, Gyóni G., *A magyarság hajnalán*, 27.

заставляет по-новому смотреть на раннюю историю мадьяр. В остальном, происходит лишь коррекция уже существующих мнений, взглядов, подходов (хотя есть исследователи, которые иногда, кажется, в погоне за сенсацией, забывают о том, что в историографии уже давно имеются мнения, которые они попытаются «продать» для публики как совершенно новые открытия).¹⁹

В современной венгерской историографии наблюдаются, пожалуй, уникальные явления. Обходя существующую академическую систему, венгерское правительство создало целый ряд научных, или околонучных институтов, исследующих венгерскую историю. Они финансируются государством щедро, в то же время академические институты были вынуждены потерпеть «реформы», против которых выступала значительная часть венгерского научного сообщества (по наблюдению Ольги Хавановой эти т. н. «реформы» происходили по образцу реформы РАН в 2013 г.).²⁰ В результате этих преобразований академические институты во многом потеряли свою автономию, а исследователи были лишены статуса государственного служащего. Крупнейший Институт Гуманитарных Исследований (ИГИ) был выдворен из центра Будапешта (из престижного Будайского замка) на отвратительную индустриальную окраину Пешта. Символично, что при этом флагман новых финансируемых государством институтов, Институт Исследования Мадьяр (ИИМ), получил резиденцию именно на той улице Будайского замка, где раньше располагался ИГИ. И хотя из этих новых учреждений есть и такой, который получил полное и заслуженное признание академической среды (например Институт Клио молодых историков), большинство из них явно имеет идеологическую подоплёку, и обслуживает мнимые или реальные идеологические запросы. Их деятельность отражает не только научные результаты, но и то, что называется *политикой* памяти.

В настоящее время прежде всего усилиями ИИМ наблюдается попытка переосмыслить древнюю историю мадьяр в старом духе «венгерского ориентализма». Это значит, если не отрицание, то по крайней мере уменьшение роли финно-угорской тематики, утверждение, что венгры происходят не с Урала, а Средней Азии, новый информацион-

¹⁹ См. 16 ссылку.

²⁰ Это только частично соответствует действительности, ведь российская академическая реформа 2013 г. все таки предлагала некие компромиссы. Взамен для ликвидации существующей системы предлагалось значительное повышение зарплат. В Венгрии во время «реформ» не было никакого компромиссного элемента.

ный виток о гунно-мадьярском родстве, «перекрашивание» венгерской истории, агрессивные нападки на представителей академической науки.²¹

Однако, нет худа без добра. В результате информационной кампании последних лет в обществе возрос интерес к венгерской истории и даже можно сказать, что историком стало быть «модно».

Как всё это относится к России? В России целый ряд учёных занимаются венгерской тематикой, прежде всего на Урале (в Казани, Перми, Уфе, Екатеринбурге, Челябинске, Тюмени). В этой ситуации значение их работ многократно возрастает не только с точки зрения фактологии, но и в историографическом смысле.

References

- ABLONCZY BALÁZS, *Keletre, magyar!* [To the East, Hungarians!] (Budapest: Jaffa, 2016).
- GYÓNI GÁBOR, "Hungarian Traces in Place-Names in Bashkiria", *Acta Ethnographica Hungarica* 53 (2008): 279-305. <https://doi.org/10.1556/AEthn.53.2008.1.13>
- GYÓNI GÁBOR, *A magyarság hajnalán* [At the Dawn of the Hungarians] (Budapest: MTA BTK, 2019).
- HORVÁTH-LUGOSSY G. „A Turul-dinasztia titkai” [The Secrets of the Turul-Dynasty], *Magyarságkutató Intézet* <https://mki.gov.hu/hu/hirek-hu/sajto-hu/feltarulnak-a-turul-dinasztia-titkai-nagyinterju-a-magyarsagkutato-intezet-eredmenyeirol-uj-projektjeirol-ellenszelrol-tudomanyos-kanonokrol-a-magyar-ostortenet-kutatasok-multjarol-es-jelenerol> (Accessed 30. 01. 2022)
- JANKÓ JÁNOS, *Utazás Osztjáföldre* [Journey to the Land of the Ostyaks] (Budapest: Néprajzi Múzeum, 2000).
- A. KOMAR, *Istoriia i arkheologiiia drevnikh mad'iar v epokhu migracii* [The History and Archeology of Early Hungarians in the Era of Migration] (Budapest: MTA BTK, 2018).
- LANGÓ PÉTER, *Amit elrejt a föld... A 10. századi magyarság anyagi kultúrájának régészeti kutatása a Kárpát-medencében* [What the Earth Hides... Research on the Material Culture of the Hungarians of the 10th Century in the Carpathian Basin] (Budapest: L'Harmattan, 2007).
- V. V. НАРОЛ'СКИХ, *Oчерки по этнической истории* [Essays on Ethnic History] (Kazan': Kazanskaia nedvizhimost', 2015).
- B. ОВЧИННИКОВА, G. GYÓNI, *Protovengry na Urale* [The Proto-Hungarians in the Urals] (Ekaterinburg: Urals'kii gosudarstvennyi unisversitet, 2008).

21 Например, HORVÁTH-LUGOSSY G., „A Turul-dinasztia titkai”, *Magyarságkutató Intézet* <https://mki.gov.hu/hu/hirek-hu/sajto-hu/feltarulnak-a-turul-dinasztia-titkai-nagy-interju-a-magyarsagkutato-intezet-eredmenyeirol-uj-projektjeirol-ellenszelrol-tudomanyos-kanonokrol-a-magyar-ostortenet-kutatasok-multjarol-es-jelenerol> (Дата обращения 30. 01. 2022 г.)

PUSZTAY JÁNOS, *Az „ugor-török háború” után* [After the “Ugro-Turkic war”] (Budapest: Gondolat, 1977).

RÓNA-TAS ANDRÁS, *A magyarság korai története* [The Early History of the Hungarians] (Szeged: JATE, Magyar Őstörténeti Kutatócsoport, 1995).

RÓNA-TAS ANDRÁS, *A honfoglaló magyar nép. Bevezetés a korai magyar történelem ismeretébe* [The Conquering Hungarian People: An Introduction to Early Hungarian History] (Budapest: Osiris, 1997).

SUDÁR BALÁZS (ed.), *Magyarok a honfoglalás korában* [Hungarians in the Era of Conquest] (Budapest: Helikon, 2015).

SUDÁR BALÁZS, „Lehet, hogy teljesen félreértettük eddig a magyarok őstörténetét” [We May, Until Now, Have Completely Misunderstood the Prehistory of the Hungarians] 444. *hu* <https://444.hu/2015/02/27/lehet-hogy-teljesen-felreertettuk-eddig-a-magyarok-ostortenetet> (Accessed 30.01.2022)

SZŰCS JENŐ, *A magyar nemzeti tudat kialakulása* [The Formation of the Hungarian National Consciousness] (Szeged: Magyar Őstörténeti Könyvtár, 1992).

SZVÁK GYULA, *Orosz concerto. Mikrohistoriográfiai etűd* [Russian Concerto: An Etude on Microhistoriography] (Budapest: Russica Pannonicana, 2021).

A. ZELENKOV, G. GYÓNI, N. MATVEEVA, „Problemy izucheniia proiskhozhdeniia mad’iar” [Problems Surrounding the Origins of the Hungarians], *Rossiiskaia arkhologiiia*, no. 2 (2021): 147–166.